

«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...»

Вместо предисловия к неоконченному роману, или Штрихи к портрету Сергея Кузичкина

Кто не слышал напевной, звучащей в вальсовом ритме песни с этим припевом? Первым песню исполнил в уже подзабытом фильме советской поры «Друзья и годы» (1965 год) покинувший нашу земную обитель Олег Анофриев. Потом — тоже почивший недавно Эдуард Хиль. Хорошо знают её и в наши дни. Но всё же лучше других драматургию песни, неразделимость и гармонию её поэтических и музыкальных достоинств удалось передать дуэту Дмитрия Певцова и Зарифы Мгоян (Зары). «Родители» же этой песни — кумиры соотечественников советского и нынешнего времени лауреат Ленинской премии поэт-песенник Михаил Матусовский и народный артист РСФСР композитор Вениамин Баснер. В послужном реестре этих двух блестяще представлявших советскую песню людей — не только помянутая здесь высокоподъёмная по духу и лиризму песня. Не преходящий с годами успех снискали этому творческому альянсу увенчанные славой «Школьный вальс», «В лесу прифронтовом», «С чего начинается Родина», «На безымянной высоте», «Махнём не глядя» («Прожектор шарит осторожно по пригорку...»), «...И она ответила: „Победа!“», «Берёзовый сок» и романс «Белой акации гроздь душистые».

Что же о «песенном» названии «черновика к предисловию», то на такое подвигла мысль про любовь к родной земле и к нашему Отечеству — волнующее дыхание этой вечной, ведомой всем и прописанной не только в песне Матусовского и Баснера, но и в незаконченном пока романе Сергея Кузичкина. Ко времени сказать, что «Новый Енисейский литератор» («НЕЛ»), публикующий новое сочинение писателя, завидно отличается от множества молодых изданий Зауралья. Помимо своего прямого назначения — представлять читателю литературные новинки, альманах, не обременённый широкой

известностью, как, скажем, журнал «Сибирские огни», положил себе целью без чьих бы то ни было наставлений и подсказок в наше расхристанное время (когда неожиданно-негаданно в полку «творцов Слова» прибыло) облекать в живую плоть большую и не менее значимую роль — *просвещенческую*.

Есть и «прикладная» цель у этого предисловия к не напечатанному пока целиком в альманахе роману «Откос» — подержать автора в непростом и нелёгком родовспомогательном деле, ведь появление на свет белый его нового сочинения отдельной книгой — на мой взгляд, как яичко ко Христову дню, — дорогого будет стоить. Огромному миру российских читателей Сергей Кузичкин небезызвестен: добрых шестнадцать лет поставляет писатель в основанный им альманах плоды вдохновения поэтов, прозаиков и публицистов родом не с одних берегов Енисея, географического центра России, но и далеко окрест, исправно наполняя литературную сокровищницу отечества и плодами творческого воодушевления, и уроками художественного просвещения.

Прописку в «НЕЛ» получают авторы известные и не очень, а иным поклонникам Слова и вовсе не знакомые. Имя-рек о том не единожды сказано, да, похоже, не до точки, как того оно требует. Потому и сразу напрямик, как есть: не молвить слова о первостатейном деле Кузичкина, просвещенческом, — невелик и резон витийствовать про его «Откос». Просветительскому ликбезу неугомонного Сергея Николаевича равным образом служит одиннадцать лет назад устроенный им литературный семинар — и во времена-то сплошной, просто зашкаливающей компьютеризации, цифровизации и всевозможной трансформации, коим подвержены даже стойкие служители Слова! Благодаря семинару Сергея Кузичкина с соратниками по писательскому цеху Андреем Леонтьевым, Александром Чичериным, пока не меркнет и не теряет в весе поэтическая мысль Владимира Маяковского: «Слово — полководец человеческой силы».

Допушкинское время отечественной литературы знало немало славных имён: Кантемир и Капнист, Сумароков и Фонвизин, Крылов и Жуковский, Державин и Карамзин, Радищев и Грибоедов. В давние времена те жил и творил яркий журналист и писатель, организатор типографий, библиотек,

школ, книжных магазинов в Москве, других городах России — Н. И. Новиков (1744—1818). Николай Иванович выпускал не утратившие поныне ценности книги по разным отраслям знаний. Увы, *безыдейный* морок, обуявший наше Отечество, заставил было забыть об этой фигуре, и о ней как о фигуре исторического масштаба сегодня уже не вспоминают. Когда думаешь про время Николая Новикова, на ум приходит и наше. Нет уже великой и «на слом пошедшей» страны, нет и тех не самых худших, кто в ней жил, и всё меньше тех, кто запоздало ею гордится. В «нелётную» для отеческой литературы «погоду» появляется на берегах Енисея человек, выказавший готовность возродить традиции великого русского просветителя и вольтерьянца. Этот человек — Сергей Кузичкин, кто знает и на том стоит, что *«некоторые и пишут хорошо, да им нечего сказать, потому что мало образованы»*. Проведал у него же такое: *«Традиция — это не поклонение пеплу, это передача огня»*.

Потому такой обыкновенной видится в его альманахе тематика разделов и рубрик: «От истока до устья», или «Уроки классиков», «Остров Публицистов, «Вахту принял!» («Творческий портрет»), «По ватерлинию» («Писатели Енисея»), «Флагман», или «Писатель номера», «Русская женская поэзия», «Маяки», «Поздравляем»...

Прописались в литературном сборнике не одни стихи да рассказы, статьи и очерки. Нашли себе место в «НЕЛ» и темы, которые освещаются средствами живописи, графики и художественной фотографии — к примеру, «Заводь Художников», или «Вернисаж». Собственно, читатель альманаха и не читатель только, а зритель на выставках: можно лицезреть работы мастеров изобразительного искусства, несть числа в литературном сборнике памятникам писателям, как и жанровым работам уже авторитетных и только начинающих художников, — словом, места вполне хватает выразителям не одного словесного искусства, но, правда, талантливым. И вот тут простительно забежать вперёд, чтобы не забыть о хорошо прописанной в «Откосе» экскурсии в Третьяковку иркутских студентов-проводников, кои по воле писателя получили тоже прописку в романе. В этом и примыкающих к нему эпизодах автор романа выказывает себя как знаток живописи и от молодых ногтей неравнодушный к музыке человек.

«Между строк» две таких любопытных пометы. Первая. Не роман бы «Откос» — белым пятном для будущего читателя этой книги на карте его музыкальных познаний могли бы остаться сведения о довольно известном в канувшие семидесятые годы русском оперном баритоне. Между тем «приложивший свой голос» к будущей славе русской песни, русского романса Борис Рубашкин всего-то недожил до своего девяностолетия, уйдя из жизни двенадцатого мая этого года. И помета вторая. Примечательная особенность хорошей книги — её неизбежное «пересечение» с жизнью читателя. Роман «Откос» — это ещё и давно забытое о совсем недавнем: представьте, не принимали в школу ребят, коим на первое сентября ровно семи лет не было (некогда не принимали в неё и автора этих строк).

Жизнь повела писателя так, что, несмотря на своё более чем сорокалетнее пребывание в литературе, поклонникам Слова он больше известен как устроитель литературного альманаха, и главным образом как его главный редактор. Почему же вышло так, что запас наших знаний о нём как интересном писателе оказался несколько скудней сведений о его редакторском амплуа? Нет Сергея Кузичкина среди обладателей «Большой книги», «Ясной Поляны» или «Писателя года», зато не один раз он становился лауреатом других и не менее авторитетных в стране литературных премий. Стоит только сказать, что он — автор сборника стихов и девяти книг прозы (первым в его писательском портфеле стал рассказ 1979 года «Совсем простая история»).

Выпускник Высших литературных курсов при Литературном институте имени А. М. Горького, владелец литературных трофеев сполна, казалось бы, вкусил признание читателя, о чём заставляет думать и написанный им (в духе М. А. Булгакова?) более поздний роман 2016 года *«Двадцать лет и одна ночь. Избранники ангела»*. Интересный публицист Галина Иванкина, правда, не об этом романе, а по другому поводу и в другом месте (газета «Завтра», № 27 этого года, «Другая оттепель»), писала: *«...Смешалось всё: и жажда бытия, и желание вырваться из себя, превратиться во что-то иное, может быть, даже светоносное»*. И там же: *«...Все эти формы составлены из виденного и сновидческого... знали нечто такое, что было скрыто*

для большинства». Так почему всё же пришедшее к Сергею Кузичкину признание несколько приотсталало от ниспосланного ему судьбой писательского дара? Редакторская рутина вызвала нехватку времени для созидания? Диковинного в этом вопросе нисколько нет: на нехватку времени сетовали в своё время классики, например, Некрасов с его «Современником», «Отечественными записками», Маяковский («Окна РОСТА») и другие классики отечественной словесности.

Справедливости ради, не только нехватка времени «ставит палки в колёса» писателю. Помимо крадущих у вдохновения драгоценных минут, губительны и препоны иного рода. Об одной восточная мудрость даже гласит: «*Не приведи Господь жить в эпоху перемен*» — в эпоху, значит, смены эпох. Из-за одного положения дел и велик паче всего писателю и многострадальной, всегда «поперечной» литературе нашей «убыток», да такой, что иной талант, весьма значительный даже, становится подвержен *порче*. Познали её даже флагманы нашей сибирской литературы. Не исключение потому «окаянные дни» — послесоветское или так называемое малотиражное время. Потому-то, думается, пришло время отступить от обывкившихся представлений о Сергее Кузичкине как писателе с одними только приметными особенностями реаниматолога и устроителя литературной жизни. К счастью, теми особенностями, которые «досуха» не могли исчерпать его писательского дара, как и сибирского характера. Словом, время поговорить о нём и как о писателе.

Итак, «Откос». Роман захватывает с первых страниц — его несколько эротическое начало пусть не в мгновение ока, но феерически быстро меняется и становится остросюжетным, если не детективным. Делая такой «зачин», искушённый в писательском ремесле Кузичкин прибегает к столь крутому сюжетному ходу, дабы растормозить читателя, денно и ночью привыкшего дремать «на голубом глазу» или бесцельно блуждающего по просторам Интернета. После неожиданно бурного, на всех парах вначале помчавшегося повествования в последующих главах, вырвавшись из тесного сюжетного ущелья, оно не хлещет и бьёт, а спокойно входит в «романные» берега и продолжает своё течение с присущей эпическому произведению размеренностью и неторопливостью.

Ещё сорок лет назад в издательстве «Молодая гвардия» вышел в свет сборник миниатюр В. А. Солоухина «Камешки на ладони». В одной известной поэт и прозаик пишет: *«Капиталом читательского внимания писатель должен распорядиться так, чтобы его хватило до конца, да ещё и остался хотя бы грошик, выражающийся в восклицании: „Как жалко, что книга кончилась!“»* И дальше классик нашей советской литературы, автор знаменитых «Владимирских просёлков» заключает: *«Когда читатель берёт книгу и начинает её читать, у него в запасе сто копеек читательского внимания. Дальше всё зависит от того, как построена книга. Эти сто копеек читатель может израсходовать на первых двадцати страницах или, во всяком случае, задолго до конца книги. Книга остаётся недочитанной...»*

К ваяемому удовольствию завтрашних читателей, свой пока не изданный отдельной книгой роман *построить* Кузичкину удалось. После невероятно бурного начала в дальнейшем текст романа — документ, который создан не хроникёром газетного отдела происшествий, а мастерским составителем художественной летописи отшумевшей советской эпохи. Прошедшего огонь, воду и медные трубы писателя понять можно: ему край как нужно пробудить сонливого, избалованного горечитателя и, ошеломив этого потребителя культсекспросвета невероятной сюжетной интригой, заманить того в свои писательские тенёта.

Правда, следуя такому, им же самим взятому за правило, художественному подходу, немного погодя Сергей Кузичкин словно смещает в «Откосе» читательское зрение и свои писательские «полномочия» передаёт отнюдь не «второстепенному» персонажу. Дальше — больше: в главах романа, связанных с этим героем, повествование уже ведётся от его имени, в его, так сказать, «исполнении» и — заметим! — там, где Владимир Сапрунов (так персонаж наречён автором) предстаёт перед читателем далеко не в самые весёлые минуты жизни. Если одним словом, то писательские обязанности *перераспределяются* между ним и главным действующим лицом, и принцип равной удалённости от персонажей как бы нарушается. Писатель делегирует их тому, кто, верно, ближе ему, в ком, быть может, тайная тайных романа.

Рассуждать о воплощении творческих намерений автора не до конца ещё опубликованного, а значит, не прочитанного романа — дело и неблагодарное, и рискованное: ну как «в одну телегу впрячь» правду давно минувшей жизни и только недавно увиденную за густым частоколом годов — так называемую идейно-художественную? Та же Галина Иванкина утверждала, что *«советская цивилизация поразительна: возникшие внутри неё процессы и явления могли существовать параллельно — „Слава КПСС“ и даже вопреки ей, но они почему-то дополняли, обогащали её»*.

Обмолвившись о задуманном в «Откосе», писатель в интервью одной местной газете однажды приоткрыл плотно затворённую дверь в свой творческий замысел: *«В романе три героя — убегающий от преследователей и прыгающий из вагона на полном ходу преступник; девушка-фельдшер, которая каждый день вдоль железнодорожного пути торопится на работу, и путевой обходчик, ежедневно совершающий неблизкий путь по маршруту — от станции до моста через Бирюсу и обратно»*. Как ни таи писатель «от глаза» задуманное им — в тексте книги, если она талантлива, замысел выкажет себя с головой, и ясновидящему читателю станут понятны, ясны не только характеры героев, а и мотивы их поступков, и они перестанут быть загадкой: живущие в «тайной канцелярии» писательской души, они становятся художественной явью.

Возможно, найдётся какой-нибудь придирчивый и въедливый читатель, кому по той или иной причине что-то в «Откосе» почудится недостоверным, тем более советская эпоха — не запредельная старина. Только представляется, что действующие в романе лица и поступки их полагают правду того прошлого, в котором жили, и правде исторической приличествуют вполне, что внушает доверие к писателю. И не в смысле правды о славных деяниях советских героев войны и труда, «афганцев» или правды о самоотверженной работе известных и безвестных членов советского партийно-хозяйственного актива, «рядовых» тружеников советских пятилеток. Всё становится прошлым, всё напоминает, что «это было недавно, это было давно», хотя горячее дыхание советского времени в романе ещё чувствуется, и местами даже явно, и на многом Кузичкин останавливает читательское

внимание, но — будто тщательно дозируя: то заостряя его, то ослабляя.

«Магистральное» действие начинается в романе со времени, когда «дембеля надели кителя», а продолжается, когда, сняв их, стали кто работать, кто учиться; дальше «в очередь и без» идут памятные нам события в державной стране, каковой она стремится быть и в наши дни, «держась на плаву», о чём не лишний раз говорят её успехи в специальной военной операции против вооружённой Западом нацистской «незалежной». Сюжетными «всполохами» освещаются — ныне позабытые, а когда-то гремевшие на весь Союз и окрест трасса Абакан — Тайшет, Байкало-Амурская магистраль, первая летняя Олимпиада в Москве, но это в романе больше «задний план» или «советский фон». На «авансцене» же изображаемых в романе событий другое — жизнь его героев, персонажей, которая развивается и проходит в сибирских городах и весях отечества, чьи названия на слуху и не очень — Тайшетград, Городок на Бирюсе, станция Бирюсинка, Баёра, где в соответствии с авторским замыслом и протекает жизнь большинства действующих лиц. Не у каждого разновозрастного читателя на памяти события времени, которое стало прошлым и по-тургеневски, как дым, развеянным — советским. О нём в литературе советского периода пето уже и перепето, и на том материале, вдоль и поперёк «пройденном», казалось, нового ничего не скажешь — разве что об известном из собственного опыта да по воспоминаниям твоих родных и близких или о знакомом из литературы и кино.

Всякий писатель зрелых творческих лет, а такой без натяжек как раз и Сергей Кузичкин, — в вечном плену у литературных классиков. Маяков у него, конечно, немало, да опрометчиво «с винтовкой наперевес» (с какими-то готовыми умозаключениями) обращаться к этой теме и называть определённо. Почему-то думается, у писателя в ряду самых-самых — Александр Пушкин и Михаил Лермонтов, Леонид Леонов и Михаил Булгаков, Джеймс Джойс и Габриэль Маркес... Из написанного Сергеем Кузичкиным следует, что традиция — это присутствие прошлого в настоящем, и такое определение литературных устоев как нельзя лучше подходит к его творчеству.

Если жизнь большинства своих персонажей писатель наделяет относительно коротким временем, то человеком без возраста, едва не литературно-евангелическим «вечным скитальцем», как Агасфер у В. А. Жуковского или Рудин у И. С. Тургенева, предстаёт в его «Откосе» путевой обходчик. *«Жизнь вокруг становилась другой, но его работа, его обязанность — следить за состоянием железнодорожного пути — оставалась той же».* Как видим, «Откос» — роман с «ключом»,

Рисунок Анатолия Грешилова к роману С. Кузичкина «Откос»

и один из подобранных автором «ключей» к нему — образ путевого обходчика.

Кому-то такое сравнение и покажется сильным преувеличением: ну никак путевого обходчика не назовёшь в привычном смысле героем, но только не один социальный статус, по Кузичкину, определяет высокое значение жизни таких, как обходчик, как родители Любовы Святослав Игоревич и Катерина Петровна и родители их родителей Пётр Фёдорович и Анна Васильевна Кувшинниковы, заведующий фельдшерско-акушерским пунктом при железной дороге Виталий Петрович... Именно таким в романе отдаёт писатель свой низкий признательный поклон: *«Каждому, даже внешне кажущемуся счастливым, человеку выпадают в жизни испытания. Иногда посильные, и люди преодолевают их через волю и терпение. Иногда тяжёлые и в одиночку неодолимые. Тогда-то и проверяются на прочность любовь, характер, внутренняя сила каждого. Тогда-то на первое место и выходят сплочённость и поддержка тех, кто рядом».*

Одно существенное преимущество того времени, о котором столько пето и перепето, отмечает Сергей Кузичкин: в нём жили те, кого писатель знал как их современник и знал как свои пять пальцев, кто на памяти у него, и это заставило поставить живших в ту пору с ним в почётный ряд людей, из которых ещё недавно наша родная советская литература незаслуженно делала фигуры умолчания, не признавая их за героев времени. Вот таким хорошо известным и вместе с тем малоизвестным читателю героям и даёт автор «Откоса» не только «вид на жительство», но «постоянную прописку» в романе. Подобных действующих лиц Кузичкин не слегка обозначает или упоминает — напротив, рассказывает о них, и не скороговоркой, не «галопом по Европам», а неторопливо и с таким знанием дела, что убеждаешься: «вкусно писать» о временах и людях, в них «размещённых», может лишь тот, кому предмет этого разговора хорошо известен и непритворно сладостен: *«Каждое утро, начиная с лета 1938 года, когда обходчик ухаживал на свой участок, его провожала бодрая музыка, слышимая на большое расстояние из установленного на Базарной площади громкоговорителя. Дикторы под музыку приглашали делать утреннюю гимнастику, звучали бодрые марши и песни...»*

Указывать точные координаты места действия, иногда чуть изменяя их, а то намекая только на их узнаваемость этого места — дело для писателя привычное. Не совсем так или совсем не так у Сергея Кузичкина, который предмета новаторства в топонимии не видит. Как вид топонима в романе используются так называемые урбанонимы (собственные имена улиц, домов или сёл с точным указанием их местонахождения), и это придаёт писательским сведениям об изображаемом надёжность и достоверность. Среди его запомнившихся, точно «сфотографированных» персонажей — люди, на незнание которых ему, должно быть, и пожаловаться грех.

Прототипы многих действующих в романе лиц — конечно, в недавнем и давнем прошлом сверстники писателя по детству, воинской службе и учёбе, знакомые и близкие и, осмелимся допустить, его несостоявшаяся любовь. Писатель рассказывает про демобилизованных с армейской службы танкистов, про студентов и пустившегося в бега новоиспечённого преступника — не про них ли Евгений Евтушенко вывел такую поэтическую формулу: *«Людей неинтересных в мире нет. / Их судьбы — как истории планет: / У каждой всё особое, своё, / И нет планет, похожих на неё».*

Как читателю, интересно поделиться и таким впечатлением о романе. Животворную струю в образ одного героя привносит память о нашумевшем в двадцатые годы минувшего века романе одного из классиков советской литературы Л. М. Леонова и, в частности, о его крайне редком и напроць забытом в писательском деле художественном приёме. В границах своего же сочинения писатель «передоверяет» собственные мысли, переживания, а то даже и авторское видение сюжета, композиции какому-то новому и ключевому персонажу; тот же начинает жить не столько по художественной логике автора, сколько «автономно». У Леонова в «Воре» это гражданин «в демисезоне», сочинитель Фирсов, у Кузичкина в «Откосе» — вчерашний дембель и студент университета Володя Сапрунов. Новая экономическая политика (НЭП) молодой тогда советской республики обрекла бывшего в Гражданскую красным командиром Дмитрия Векшина стать её пасынком, махровым вором Митькой Векшиным, как некогда по западным лекалам состряпанная горбачёвская перестройка удосужилась сделать

Владимира Сапрунова изгоем — своим среди чужих и чужим среди своих.

Несмотря уже на добрые сто лет, разделяющие эти два романа, оба — об однородном — тяжёлом, если не трагическом прощании с молодостью человека, который подвергся нелёгкому испытанию судьбой. Смысл только что сказанного и важную сторону идейно-художественного содержания романа Сергея Кузичкина помогают раскрыть здесь такие песенные строки Михаила Матусовского и Вениамина Баснера: *«Разве мог я подумать, / Мог поверить тогда / В то, что с юностью нашей / Расстаюсь навсегда?»*

В нынешнее, послесоветское, время Сапруновы носят безобидное и не злое звание предпринимателей или деловых людей. В минувшее, советское, на таких пренебрежительно и презрительно ставили клеймо фарцовщика или, того хуже, спекулянта. Попавшиеся на скупке и перепродаже втридорога «тряпок» и прочего в те совсем недавние времена делались участниками социально-уголовных драм, попросту не сумевшими одолеть «застарелых пережитков дряхлого прошлого и позорных проявлений буржуазного сознания». Нынче почти правило — не бояться показывать собственный достаток, а давеча за нажитое несправедливым трудом лишали свободы, а в случае грозившей ей опасности нередко даже сигнали из вагона идущего поезда. Вот переживание, какое обуревают в «Отко-се» не очень удачно выпрыгнувшего из вагона пассажирского поезда и чудом уцелевшего от гибели Владимира Сапрунова: *«Но почему и зачем именно события тех последних армейских дней всплыли в памяти сейчас? Появились перед глазами так отчётливо, словно кто-то задокументировал их последние часы в воинской части, всю поездку домой и прибытие на родной вокзал? Снял на кинокамеру и прокрутил ему, лежащему сейчас на железнодорожном отко-се, безлюдном и тёмном, это кино?»*

И ещё про впечатление в отстоявшемся виде. Кузичкин достоверен: он и судит своих героев, без страха и упрёка исследует их характеры, и как художник умеет с них спросить. Для линейки примеров привести можно немало. Писателю интересны и те, кто успел подняться на авансцену жизни, и те, кто только поднимается на неё; интересны и те, с кем в

реальной жизни не «пересекался», как и те, кто с ним не соприкасался, сошёл с авансцены жизни и «присоединился уже к большинству». Словом, автор «Откоса» не сторонится и не намерен сторониться своих соотечественников, земляков. В связи с этим нельзя не привести блестящей иллюстрации такого высокого и трепетного отношения к людям, которой могли бы служить поэтические строки старшего современника А. С. Пушкина — В. А. Жуковского: *«О милых спутниках, которые наш свет / Своим сопутствием для нас животворили, / Не говори с тоской: их нет; / Но с благодарностью: были».*

Как всякому из нас, многими впечатлениями памятна писателю та, как тургеневский дым, растаявшая на его глазах жизнь. По охвату изображаемых в «Откосе» героев последний роман Кузичкина — сочинение многонаселённое и многослойное по его композиционной «архитектуре». Стержневое действие в романе развивается по нескольким то пересекающимся, то параллельным сюжетным линиям. Главный герой, и не помышлявший когда-то «откосить» от армии, незаметно для себя поддаётся соблазну жизни в красивой «упаковке» и вдруг «откосил» от начертанного ему судьбой, и вся его жизнь пошла под откос — впрочем, как некоторое время спустя пошла под откос и жизнь родного Отечества вместе с непоколебимыми, казалось, ценностями. Но можно ли только предательством горбачёвской и ельцинской партийной элиты исчерпывать нарушения строгих, неколебимых канонов советского времени, если фарцовка как спекуляция у нас преследовалась тогда по закону, как бизнес не признавалась и стопроцентно считалась уголовным преступлением?

Напрямую автор «Откоса» не сравнивает два разделённых десятилетиями побега из идущего на ходу поезда. Рискованные, в самом деле, сопряжённые с гибелью человека, они совершаются в непохожие друг на друга времена и по разным причинам. Первый произведён двумя политзаключёнными в начале минувшего столетия, и это побег, чтобы продолжить, если хотите, борьбу за идеалы коммунизма. Второй — скорее, и не побег, а позорное бегство от того, что Фёдор Михайлович определил как поле брани добра со злом, — от «маленькой, но всё же души». В первом случае «намертво, навеки, до конца» любовь к светлому будущему, борьба за него (как оказалось,

для «позорного благоразумия» недавних Сапруновых). Во втором — окончательное и, как хочется надеяться, не бесповоротное размывание, казалось, уже сбывшихся идеалов наших предшественников, неспешное отступление («это было недавно, это было давно») от завоёванных ими в огненных сражениях высот и рубежей с их капитулянтской в дальнейшем сдачей.

Конечно, действительные мотивы, присущие молодым, так сказать, более поздним представителям Страны Советов, которые стали на путь стяжания и служения, по Остапу Бендеру, личному благополучию (сколько нынче киноподелок на эту тему!), они стали по собственному разумению, но какой же Сергей Кузичкин уготовит финал своему незадачливому герою? Сапрунов — уже не молод, и не без червоточинки, но не безнадежен, ведь по возрасту он годится в правнуки тем, кто в начале минувшего века совершал побег для благого дела. Сапрунов — предвозвестник тех, кто не только омрачил их ожидания, но и подвергнул буржуазной коррозии дело социалистической революции. Да, одно дело — давно, другое — недавно...

Сергей Кузичкин — заслуживший внимания писатель: он был и остался бывалым, с опытом, рассказчиком. Это, между прочим, показывает и его литературный семинар, который он как доверенное лицо читателей вот уже который год ведёт. Без этого не так уж часто в писательской среде опыта — доверительно делиться знаниями жизни и литературы — и его «Откос» вряд ли смог бы обратить на себя внимание и читался бы с таким интересом и пытливым вниманием. Писательский дар — для тех, кто сметлив и наблюдателен, способен проникнуть в характеры своих литературных героев и «смасштабировать» их — то увеличивая, то уменьшая, не нарушая при этом их «природы»; наконец, кто не боится ставить и отвечать на не отвеченные до него вопросы. Это приблизительно как у Некрасова: *«Выводи на дорогу тернистую! / Разучился ходить я по ней, / Завели меня в тину нечистую / Мелких помыслов, мелких страстей. / От ликующих, праздно болтающих, / Обагряющих руки в крови / Уведи меня в стан погибающих / За великое дело любви!»*

«Прошлое — призрак, будущее — мечта, и всё, что у нас есть, — это настоящее». Такой глубокого философского

смысла эпиграф ниспослал автор одной из глав, которую писатель назвал «Путевой обходчик». По мнению Кузичкина, труд писателя сродни делу, которым и занимается путевой обходчик, — следить за исправностью дороги, за порядком на ней, и совсем неслучаен предпосланный ей подзаголовок, так и названный — «Пройти и увидеть». В разговоре о многом в романе Кузичкин — не только опытный историк и краевед, но и человек, размышляющий о смысле писательского ремесла.

Роман Кузичкина — с «ключом», и правильно подобранный «ключ» к прочтению замышленного писателем — образ путевого обходчика, человека без возраста и вне времени, и, как говорят ещё, сквозной. Не всё, но многое в романе происходит в настоящем или обозримом прошлом, в очерченные авторской фантазией сроки. Как вечный скиталец в поэме В. А. Жуковского «Агасфер» или взыскующий к истине Рудин в одноимённом романе И. С. Тургенева, образ путевого обходчика позволяет писателю лучше отследить и осмыслить явления, события и факты жизни пошедшей на слом советской страны, зримо представить себе то, что было недавно и что было давно: *«Мысли его и при ходьбе, и в избушке, когда он разговаривал с путейцами или молча глядел на огонь, подбрасывая поленья в топившуюся печку, вольно и невольно уносили в прошлое. Так же вольно и невольно сравнивал он времена прошлые со временем нынешним. И удивлялся переменам, и как все пожилые люди, грустил о невозвратном»*. Помянутого персонажа в евангелическом смысле мифическим не назовёшь, но разве может это умалить высокое значение жизни таких героев?

Кузичкин в романе — не только исследователь человеческой души, но и душеприказчик (лицо, которому поручено исполнять духовное). Одновременно он и летописец и хроникёр событий, при которых ему выпало жить. И здесь нельзя не сказать о свойствах, без которых писателя не бывает и талант его не может состояться, — это постоянный и неиссякаемый интерес к происходящему вокруг и около и, конечно, любопытство, наблюдательность сочинителя с не замутнённой либеральной ерундистикой памятью. Недавно минувшее время достославно тем, что вооружённые силы нашего необъятного Отечества были едиными, и об этом тоже побуждает вспомнить не опубликованный ещё полностью роман. Жаль, что автор этого

чернового предисловия к нему не может похвастаться крепкой памятью на события своих армейских дней и детали, подробности своей службы, столь немаловажного и большого эпизода молодости, запомнил, и *сочинять* нечто на ту же тему ему не дано — разве что *излагать* только. Жаль и того, что пошла под откос не самая худшая в мире страна и случилась последующая за этим катастрофа нашей жизни.

Кто-то это черновое предисловие к роману Сергея Кузичкина уподобит рогу изобилия, из которого сыплются одни любезные ему слова, или даже бочке мёда, — тогда, по законам критического жанра, — и о ложке обязательного дёгтя. Шестой год публикует автор свой роман, выкладывая его по главе в альманахе. Понятно, время для поддержания огонька читательского интереса — не беспредельно, как не беспредельно и терпение читателя, кое чревато и раздражением, и сбоем в желании читать с непредвиденными остановками и урывками, что прискорбно — ведь речь не о качестве текста.

Творениями мастеров песенного жанра, таких как Матусовский и Баснер, мы можем насладиться за «один присест», а вот с интересным романом на страницах альманаха сводить знакомство надо без малого пять лет. «Откос» читается с огорчительными и раздражающими перерывами, виной чему — не его какие-то художественные достоинства, а «чайно-ложечный» порядок его публикации в «Новом Енисейском литереаторе».

Без сомнений, искущённому в писательстве многоопытному Кузичкину известно, на «крючок с какой наживкой» ловить сегодня привередливого, празднлюбивого и с ленцой читателя, то бишь как «распорядиться ста копейками читательского внимания» и «построить» книгу, чтобы не остужать интереса к ней. Что ни говори, здесь в мастерстве писателю не откажешь, да вот закавыка: при черепашьей скорости такого чтения разбалованному, как разборчивая невеста, телевизором, компьютером и гаджетом любителю словесного искусства недолго обернуться и героем из комедии Фонвизина «Недоросль» — Митрофанушкой.

И о преимственности в литературном творчестве. Даже невооружённым глазом видно: в своём самом первом романе «Рудин» Тургеневу хочется если не «раствориться» в главном

герое, то заметно отождествить себя с ним. Кузичкину, сдаётся, ближе и симпатичнее Володя Сапрунов. Но если главный герой у Тургенева погибает на баррикадах Парижа, то чем в «Откосе» закончит, интересно, герой Кузичкина? Ведь во времени, в котором писатель «разместил» этого изгоя советского общества, он стал «лишним человеком». В романе немало страниц, где осмысливаются быт, нравы ушедшего времени, есть и страницы, которые отданы писателем темам любви и дружбы.

Новый роман Сергея Кузичкина — весомый довод в пользу идейно-художественной зрелости писателя, и оттого верится, что он сумеет вывести свой многомачтовый парусник из причудливого сюжетного лабиринта и виртуозно проведёт его в причудливом калейдоскопе событий «Откоса». А нам, его читателям, доведётся сделать ещё немало новых открытий во всём богатстве идейно-художественного содержания романа. И увидеть, мала ли, велика дистанция между авторским замыслом произведения и художественной импровизацией его темы. Как говорят, время покажет, или поживём — увидим.

Об авторе:

Владимир Петрович МЕЩЕРЯКОВ — из первого поколения послевоенной поры (1946 года рождения), родом из старинного города на берегу Кана, правого притока Енисея. Памятными «отметинами» жизни считает членство в пионерской организации и коммунистической партии, службу в армии, красноярский Крайний Север, где в конце 1980-х стал членом Союза журналистов. В 1973 году окончил истфил Красноярского государственного пединститута (отделение русского языка и литературы) и журналистское отделение Новосибирской высшей партшколы (ныне филиал РАНХиГС). Работал корреспондентом «Власти Советов» (сегодня «Канские ведомости»), «Заполярной правды», газеты «Экономика и жизнь», на эвенкийском окружном радио, редактором «Канских вестей» и уярской газеты «Вперёд». В настоящее время — редактор отдела критики в редакции «Нового Енисейского литератора». В сухом остатке его журналистской жизни — изданная в издательстве «Красноярский писатель» под редакцией Н. А. Агафоновой книга «Время прощать и прощаться».

